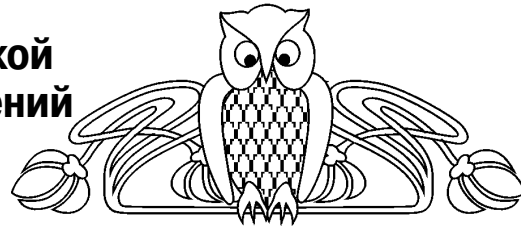

УДК [94+323.1](47+57) | 1985/1991 |

Демонтаж единого Союза и советской системы межнациональных отношений в августе – декабре 1991 года

А. П. Мякшев

Мякшев Анатолий Павлович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, myakshhev@mail.ru

В статье анализируется специфика процесса демонтажа союзной государственности и советского механизма межэтнического взаимодействия. Исследуются события, связанные с рождением новой геополитической реальности на просторах бывшего СССР. Изучаются истоки будущих конфликтов на формирующемся постсоветском пространстве. Формулируется вывод о мобилизующем значении этнонационализма как главной движущей силы в распаде единого государства.

Ключевые слова: национальные элиты, «перестройка», союзные республики, народы, этносы, власть, государство.

The Dismantling of the Single Union and the Soviet System of the International Relations in August – December 1991

A. P. Myakshhev

Anatoliy P. Myakshhev, <https://orcid.org/0000-0002-2997-2618>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, myakshhev@mail.ru

The article analyzes the specifics of the process of dismantling the Union state and the Soviet mechanism of interethnic interaction. The events associated with the birth of a new geopolitical reality in the former Soviet Union are studied. The sources of future conflicts in the emerging post-Soviet space are studied. The conclusion about the mobilizing value of ethno-nationalism as the main driving force in the disintegration of a single state is made.

Keywords: national elits, «perestrojka», sovietic republics, peoples, ethnic groups, authority, state.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-158-164>

Советский Союз как субъект истории прекратил свое существование сразу после попыток части советского руководства ввести режим чрезвычайного положения в превратившихся в самостоятельные и независимые государства бывших союзных республиках. События 19–21 августа 1991 г., несмотря на временную отдаленность, обилие документальных и мемуарных свидетельств о внутренней сути, логике и парадоксах произошедшего в те дни, ждут своего исследователя. Ни прошедшие почти 30 лет, ни огромное количество публикаций не сблизили мнения и суждения по данной проблеме. Расхождения в оценках остаются зачастую прямо противоположными. Сразу же после так называемого «августовского путча» был

издан сборник «Коричневый путч красных. Август 1991 г.»¹, на обложке которого рисунок звезды был соединен со свастикой. Версию о «фашиствующей» советской партгосноменклатуре, попытавшейся повернуть вспять демократическое обновление страны поддержало российское руководство и М. С. Горбачев, откликнувшийся на обвинения о своей причастности к августовским событиям небольшой брошюрой², в которой рассуждал об ударе «путчистов» по «авангардным демократическим силам». Сложно согласиться с данным утверждением только потому, что российский парламент, судя по высказываниям Б. Н. Ельцина и М. С. Горбачева олицетворяющий собой это самое «демократическое обновление» в 1991 г., через 2 года будет расстрелян опять же за «красно-коричневый путч».

Противоположную позицию, по мнению А. С. Барсенкова, впервые высказал Г. Х. Попов, заявивший весной 1992 г. в интервью руководителю санкт-петербургского телевидения Б. А. Курковой, что «путч» совершили «демократы»³. А. В. Островский полагал, что эта концепция зародилась раньше, когда 24 августа 1991 г. народный депутат СССР из Тюмени тридцатилетний историк и политолог С. В. Васильев опубликовал свое обращение «Государственный переворот 1991 г. успешно завершён»⁴. Он заявлял, что в России утвердилось духовное течение, враждебное русскому национальному мироощущению, и пророчески предрекал, что у человечества еще будет время всмотреться в лицо российского «демократического» тоталитаризма»⁵.

Представляется, что размышления В. С. Павлова о том, что члены ГКЧП не готовили переворот, зато М. С. Горбачев, по его мнению, сначала решил расправиться с Б. Н. Ельциными руками «членов ГКЧП», «преданных делу и своей стране, народу», а осведомленный об этом Б. Н. Ельцин решил руками опять же членов ГКЧП «убрать Горбачева»⁶, вряд ли логичны и объективны. Не убеждает и версия одного из бывших руководителей советской контрразведки В. С. Широина, который считал, что М. С. Горбачев одобрил введение чрезвычайного положения, однако американские спецслужбы решили воспользоваться ситуацией и разом покончить с КПСС, для чего и переориентировались на другого лидера⁷. А. П. Шевякин в наши дни предлагает искать ответ на вопрос об «августовском путче» «не столько в Лэнгли, а больше на Лубянке»⁸: «это была провокация, подобная поджогу Рейхстага,

направленная против сил, выступающих за единое союзное государство и социалистический выбор народа»⁹. Он солидаризуется с позицией народного депутата СССР Л. И. Сухова, заявившего сразу после августа 1991 г., что «это был сговор против нашего социалистического строя, заговор Президента и кучки авантюристов»¹⁰. Канули в лету и оценки «августовского путча» как нечто комичного, опереточного акта советского руководства¹¹, «фарса»¹².

Особо следует обратить внимание на версию, высказанную сразу же после августовских событий директором Института этнологии и антропологии В. А. Тишковым: «Идеологи, как и кадры путчистов, оказались тесно связанными с русским национал-патриотическим движением и с русскими как доминирующей в государстве этнической группой»¹³. Аргументом при этом выступал «подсчет» и «сопоставление» национального состава членов ГКЧП и руководства России¹⁴. И уж совсем неожиданным был вывод В. А. Тишкова по поводу «защитников Белого дома», которых ученый охарактеризовал как «выразителей тенденции рождения российского народа»¹⁵.

С. В. Чешко, назвав точку зрения В. А. Тишкова «типичным умозрительным интерпретаторством», полагал, что «выступление ГКЧП было естественной реакцией «консервативно-патриотических» сил, которые, видимо, посчитали, что страна подошла к самому рубежу окончательного развала»¹⁶. На наш взгляд, версия историков А. С. Барсенкова и А. В. Островского, специально исследовавших эти события, наиболее достоверна. По мнению А. С. Барсенкова, «путч» начали одни, а переворот совершили другие»¹⁷, А. В. Островский не возражал: «19 августа под прикрытием так называемого путча, начался государственный переворот, возглавляемый Б. Н. Ельциным»¹⁸.

На наш взгляд, для понимания сути событий 19–21 августа 1991 г. следует сравнить публичные документы, обнародованные ГКЧП и российским руководством и демонстрирующие их истинные, впрочем, как и скрытые, цели. В «Обращении к советскому народу» членами ГКЧП было заявлено, что «политика реформ зашла в тупик», а причины, вызвавшие «безверие, апатию и отчаянье», утрату доверия к власти и неуправляемость страны, высшие советские руководители связали с «возникновением экстремистских сил, взявших курс на ликвидацию Советского Союза и захват власти любой ценой». Позитивная программа ГКЧП заключалась в обещаниях провести широкое обсуждение нового Союзного договора, восстановить законность и правопорядок, поддерживать действительно демократические процессы, взять под контроль социальную защиту населения, развить многоукладность экономики¹⁹.

В обращении «К гражданам России» противная ГКЧП сторона – российское руководство – заявляло, что оно «заняло решительную позицию по Союзному договору, стремясь к единству Совет-

ского Союза», что, по мнению подписавших обращение Б. Н. Ельцина, И. С. Силаева и Р. И. Хасбулатова, вызвало «озлобление реакционных сил» (имелись в виду высшие руководители СССР), подтолкнув их к авантюре. Авторы призвали «не оказывать поддержки» заговорщикам, подчиняться впредь Законам и Указам Президента РСФСР²⁰. В Указе Президента РСФСР от 19 августа № 61 содержалась истинная цель российского руководства: объявляя действия советских руководителей «государственным преступлением», Б. Н. Ельцин переподчинил себе все органы исполнительной власти СССР, под управление России «временно» переходили и советские силовые структуры²¹.

Если иметь в виду, что распад союзного государства и гибель советской системы власти произошел не одновременно: СССР прекратил свое существование с поражением ГКЧП, а советская власть – после событий 3–4 октября и принятия новой Конституции России 12 декабря 1993 г., то и цели противоборствующих в августе 1991 г. сторон можно и важно рассмотреть с точки зрения реализованных положений процитированных документов. Если позиция высшего советского руководства, объединенного в ГКЧП, ясна и последовательна: защитить социализм и сохранить единое государство, то программа российского руководства заключалась в овладении советскими государственными структурами под прикрытием демагогического обещания «сохранить единство Советского Союза». Расстрел в октябре 1993 г. «своего» парламента, горячо поддержавшего «революционный переход власти» в августе 1991 г., превратил «сравнение уровня демократичности» ГКЧП и российского руководства в манипуляцию клише и ярлыками, к научному анализу не имевшую никакого отношения. Отсутствие у ГКЧП какого-либо сценария силового разрешения сложившейся трагической ситуации в стране обнаруживает всего лишь наивную веру части советского руководства в действенность такой демократической акции, как прямая апелляция к воле народа. Да и с юридической точки зрения действия ГКЧП были более обоснованы, нежели «правовая практика» Б. Н. Ельцина и его соратников.

После провала последней попытки, с позиций исторической логики и политической целесообразности – запоздалой, с организационной – неумелой и нерешительной, юридически был оформлен суверенитет новых государств, бывших союзных республик и начался технический демонтаж советских государственных структур, заключавшийся в их массовом переподчинении структурам государственной власти России. Р. Г. Пихоя, безусловно, был прав, когда в категоричной форме утверждал, что по-настоящему СССР «умер» в первые дни после подавления «путча», формально продолжая существовать до конца декабря 1991 г.²²

С. В. Чешко полагал, а А. С. Барсенков соглашался с мнением, согласно которому «республи-

бликанские лидеры воспользовались случаем, чтобы еще больше поднять планку своей независимости»²³. На наш взгляд, первые дни после поражения «путча» республиканским элитам уже не было смысла утаивать свои замыслы стать полностью независимыми, что, собственно, они официально продекларировали. Как позже писал сам М. С. Горбачев, «переворот до основания потряс страну. В сентябре – октябре, по сути, все республики заявили о своей независимости. Сепаратисты чувствовали себя на коне, настал их час»²⁴.

Таким образом, национальные элиты стремились как можно быстрее зафиксировать границы своих независимых государств и «свою» власть на «своих» территориях, понимая при этом, что опасность их суверенитетам представляет уже не союзный Центр, а Россия и Украина как два наиболее мощных независимых государства, стремящихся уж, если не наследовать, так поделить советское «богатство», «размещенное» в основном как раз на российских и украинских территориях. 26 августа российское руководство устами пресс-секретаря Б. Н. Ельцина П. И. Вощанова заявило, что Россия не ставит под сомнение чье-либо право на самоопределение, но в случае прекращения «закрепленных соответствующим договором союзнических отношений» «РСФСР оставляет за собой право поставить вопрос о пересмотре границ»²⁵. «Если вспомним, – предположил А. С. Барсенков, – сделанное накануне «путча» заявление о том, что цены на энергоносители будет определять не Центр, а Россия, и учетом слова Вощанова, то становятся очевидными те аргументы, которые российский президент намеревался использовать для охлаждения чрезмерных устремлений к полной «свободе» новых «государств»²⁶. Представляется, что Ельцин в данном случае заботился не о сохранении единого экономического пространства, а довольно четко и недвусмысленно высказывался в пользу российских претензий на лидерство в складывающейся постсоветской реальности.

Интересно, что в «демократических» СМИ сразу же после «августовского путча» активно обсуждалась проблема пересмотра границ на складывающемся постсоветском пространстве. Е. Г. Боннер отреагировала замечанием: «А с утра Украине независимой и Казахстану сказано было: не рыпайтесь, а то мы – победители, Великая Россия – территориальные претензии вам предъявим», предупредила Б. Н. Ельцина, что не будет молчать, «если его и дальше понесет в великую Россию. Державу. От слова «держать»²⁷. Наоборот, К. Г. Мяло предупреждала, что не следует фиксировать границы союзных республик, поскольку «некоторые республики уже сегодня должны быть готовы, что демонтаж Союза вряд ли ограничится лишь верхними его этажами. Следующим этапом станет демонтаж некоторых из ленинско-сталинских республик»²⁸.

Впрочем, российская элита, опьяненная столь быстро достигнутой победой, не считала «территориальный» вопрос актуальным и единства в отношении проблемы будущих границ не проявила. Если «Гражданская инициатива» 28 августа 1991 г. решительно отвергла «территориальные и имущественные претензии» России к соседним республикам, поскольку «истинные демократы» должны приветствовать распад СССР «как существенную сторону краха коммунистического режима»²⁹, то Совет ЦК Конституционно-демократической партии, наоборот, посчитал требование России о пересмотре произвольно «нарезанных большевиками» границ между союзными республиками «конституционным», в случае если Украина, Белоруссия и Казахстан откажутся от участия в «новой демократической федерации»³⁰. Резкая реакция казахстанского и украинского руководства заставила Б. Н. Ельцина дезавуировать заявление П. А. Вощанова.

После августовского путча, в условиях фактического распада страны 2–5 сентября состоялся Внеочередной пятый съезд народных депутатов СССР. Выступая 31 августа 1991 г. на заседании комиссии по подготовке этого съезда, председатель Совета Национальностей Р. Н. Нишанов отмечал, что «подготовка Съезда идет очень плохо, непросто, противоречиво, очень много неясностей, неразберихи». Есть делегации, продолжал он, «которые заинтересованы в проведении этого съезда и принятии чрезвычайных мер, включая и вопросы обновления Верховного Совета. А есть силы, которые вообще хотели бы игнорировать Съезд и представить в обособленном свете свою республику... Есть отдельные депутаты, которые просто в этой обстановке не хотят нести обязанности депутатов. И в совокупности создается крайне тяжелая обстановка»³¹. В целом работа депутатов, признавался Нишанов, «вызывает отвращение у советских людей». «Чем мы занимаемся», восклицал Рафик Нишанович, «когда страна находится в таком состоянии, и развал фактически идет полным ходом»³².

Пятый съезд констатировал, что прежнего СССР уже нет. Председатель Комитета конституционного надзора СССР С. С. Алексеев заявил «начистоту»: «Наш Союз находился не просто на грани развала, а уже находился в состоянии развала»³³. Наиболее определенно высказался представитель украинской делегации министр охраны окружающей природной среды Ю. Н. Щербак, заявивший о несогласии Украины обсуждать «вопросы политического устройства того межгосударственного объединения, которое может возникнуть на месте бывшего Союза ССР»³⁴.

Фактически съезд приостановил деятельность Съезда народных депутатов СССР и «на время переходного периода» создал новый орган власти «формально не отмененного» Советского Союза – Государственный Совет, состоявший «из Президента СССР и высших должностных

лиц союзных республик»³⁵. Роль координатора межнациональных отношений на постсоветском пространстве перешла к Совету Республик, сформированному из депутатских групп семи республик. Председателем Совета Республик был избран казахский писатель А. Т. Алимжанов, его заместителями стали представители этих семи республик³⁶.

Стенограммы заседаний Совета республик красноречиво свидетельствуют о растерянности, нерешительности и апатии бывших депутатов бывшего высшего органа бывшей страны. Так, 1 ноября 1991 г. на «совещании у А. Т. Алимжанова» депутат А. Я. Слива констатировал, что «сегодня кончается вторая неделя, как собрался Верховный Совет», а «на сегодняшний день Верховный Совет ни одного значимого действия не совершил ни для людей, ни для республик». «Мы понимаем», говорил Слива, «что слаб Верховный Совет», «но слабый ищет поддержки»³⁷. Суть происходящего большинство членов Совета Республик понимало слабо. Правовед Г. В. Атаманчук резонно задавал вопросы: «первый вопрос – переходный период. Что это означает? Переходный период от бывшего Союза к отсутствию Союза? Или переходный период к другому Союзу? ... Куда мы идем?»³⁸ и сам же на них отвечал: «Совет Союза должен отмереть, а Совет Республик должен обязательно сохраниться... Это единственная сегодня структура, свободная структура общения народов, свободная трибуна»³⁹.

Председатель палаты А. Т. Алимжанов иллюзий не питал: «Каждый из нас представляет свои суверенные государства, свои республики, защищает интересы. Мы хотим выйти за рамки этих интересов и защищаем или обосновываем интересы будущего содружества. Это будет или конфедерация, или сообщество государств»⁴⁰. 26 декабря 1991 г. сессия Совета Республик, в котором остались лишь представители Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана, приняла под председательством А. Т. Алимжанова декларацию о прекращении существования СССР как «государства и субъекта международного права» в связи с образованием СНГ⁴¹.

По свидетельству М. С. Горбачева, 16 сентября 1991 г. на заседании Государственного Совета представители России и Украины, а также Азербайджана, Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркмении согласились сохранить Союз⁴², после чего эти же республики подписали «Договор об Экономическом сообществе»⁴³.

По воспоминаниям Г. Х. Шахназарова, «Горбачеву удалось убедить Ельцина в желательности возобновления новоогаревских встреч». Однако, указывал помощник Президента СССР, «согласие было дано только при том условии, что будет подготовлен новый проект Договора с установкой уже не на федерацию, а на конфедерацию»⁴⁴. Спустя неделю «ельцинская команда» (Г. Э. Бурбулис,

С. М. Шахрай, С. Б. Станкевич), по свидетельству Г. Х. Шахназарова, предоставила документ, «зачитав» который, Георгий Хосроевич, «понял, что никакого Союза в Белом Доме оставлять не собирались»⁴⁵. «Это было примерно то, что потом получило название «Содружество независимых государств»⁴⁶, заключал Г. Х. Шахназаров. М. С. Горбачев и сам понял, что его обманули: «Достаточно было беглого прочтения, чтобы понять, что речь идет не о федеративном и даже не о конфедеративном государстве»⁴⁷.

На наш взгляд, второго «Ново-Огаревского процесса» не было. Обсуждение проекта нового Договора о союзе служило всего лишь прикрытием развернувшегося захвата союзной собственности новыми российскими структурами. Более того, М. С. Горбачев был знаком с документами, в которых позиция российского руководства была выражена четко и последовательно: «России никакой центр не нужен»⁴⁸. Л. М. Кравчук вообще саботировал работу над Союзным договором, заявляя, что пока 1 декабря на Украине не пройдет референдум, он ничего сказать не может⁴⁹. Наиболее откровенно по поводу позиции российского руководства осенью 1991 г. высказался Г. А. Явлинский: «У Бориса Николаевича и его окружения были четкие политические установки: одномоментный «не только политический, но и экономический» развал Союза, ликвидация всех мыслимых координирующих экономических органов, включая финансовую, кредитную и денежную сферу. Далее, всесторонний отрыв России от всех республик, включая и такие, которые в то время не ставили подобного вопроса, например Белоруссия, Казахстан»⁵⁰. Реанимировать Союз никто не хотел.

Представляется, что в ходе борьбы агонирующего союзного Центра и независимых республик решилась и судьба Крыма. Безусловно, после устранения Центра от «крымско-татарской проблемы» со всей очевидностью встал вопрос о восстановлении исторической несправедливости, в результате которой полуостров оказался в составе Украинской ССР. Русофобия в прессе и политической борьбе, развернувшейся на Украине в связи с одновременным проведением референдума о независимости и выборов президента независимого государства, достигла своего апогея к декабрю 1991 г. Национал-экстремисты объединились вокруг лидера западноукраинских националистов В. М. Черновола как раз на основе оголтелой русофобии. В избирательной кампании русскоязычное и русское население Украины неизбежно объединялось вокруг Л. М. Кравчука, оказываясь при этом заложником борьбы Центра и Украины и поневоле становясь союзником поборника украинской «незалежности» Кравчука в его борьбе за президентское кресло. Российское руководство однозначно поддерживало Кравчука, поскольку его победа на президентских выборах означала поддержку гражданами Украины ее су-

веренитета и независимости, что, в свою очередь, приводило к жирной финальной точке на судьбе Союза.

Как писал помощник М. С. Горбачева А. С. Грачев, Кравчуку дали понять, что сразу после 1 декабря в случае его победы это будет означать «вогум» в пользу выхода из СССР, а это, в свою очередь, позволит России окончательно заблокировать новоогаревские договоренности⁵¹. «Кравчук не мог удержаться от искушения принять это предложение», – полагал А. С. Барсенков, – «поскольку получал возможность закрепления государственной независимости Украины в тех границах, о которых не мечтали даже самые горячие «руховцы»⁵². Так, по всей видимости, и оформилась «сделка века»: «России – Кремль, Украине – Крым», или, как определял смысл этой сделки А. С. Ципко, «Крым за Кремль»⁵³.

На наш взгляд, это трагическое решение осознавалось далеко не всеми. В начале ноября 1991 г. известный публицист и журналист Г. О. Павловский предположил, что идея защиты интересов украинского государства связана с надеждой на появление «альтернативной России», категорически возражал против «единой, централизованной, однородно-национальной Украины» и предупреждал, что «бюрократическая принудительная украинизация» разрушит шанс Украины на государственность⁵⁴. Призывая к мягкости и либерализму в межнациональных отношениях на Украине, Г. О. Павловский полагал, что именно это может минимизировать угрозу переориентации русских регионов Украины на Москву⁵⁵.

Очевидно, что судьба «русского мира» руководство России, где русские составляли по переписи 1989 г. 81,5 %, не «волновала». Уж тем более Б. Н. Ельцин и его окружение равнодушно взирали на свершающуюся на их глазах этническую катастрофу русского этноса, выражавшуюся в его «геополитическом расчленении»⁵⁶: 25 млн русских, что составляло 17 % всех русских в СССР, при распаде единого государства из доминирующей советской нации превращались в национальные меньшинства независимых постсоветских государств. Согласно переписи 1989 г. русские составляли 37,8 % всех жителей Казахстана; 34 % – в Латвии; 30,3 % – в Эстонии; 22,1 % – на Украине; 21,5 % – в Киргизии; 13,2 % – в Белоруссии; 13 % – в Молдавии; 9,5 % – в Туркмении; 9,4 % – в Узбекистане; 7,6 % – в Таджикистане; 6,3 % – в Грузии; 5,6 % – в Азербайджане; 1,6 % – в Армении⁵⁷. Распад СССР сделал неизбежным обострение «русского вопроса» на всем постсоветском пространстве, поскольку русские остались «как народ безгосударственный»⁵⁸ и вступили «в острую фазу кризиса своей национально-этнической идентичности»⁵⁹.

С распадом СССР разрушилась и вся советская система межнациональных отношений, основанная на поощряемом и поддерживаемом советским государством факторе межэтнического

доверия. Финальная стадия жизни великого единого государства совпала с развернувшейся на огромной его территории межэтнической войной. Армяно-азербайджанский, грузино-абхазский, грузино-осетинский конфликты имели тенденцию к разрастанию и углублению, из латентного состояния в горячую стадию плавно перетекал конфликт в Молдавии. Так и не добившиеся «исторической справедливости» советские немцы, крымские татары, турки-месхетинцы, курды отчаянно боролись за свою государственность и автономию.

Наиболее убедительным доказательством разрушения советского механизма межнационального взаимодействия является «чеченский вопрос» в Российской Федерации. Сомнений в том, что в борьбе за Кремль Б. Н. Ельцин и его так называемое «демократическое» окружение готово было жертвовать и российским единством, нет. В выступлении Г. Х. Попова на втором съезде Демроссии содержалось предложение предоставить возможность «выйти из России» «всем автономиям, которые на референдуме за это выскажутся»⁶⁰. А. Н. Яковлев после «беловежского соглашения» заявил, что «за распадом Союза начнется распад РСФСР. Он неизбежен и по той же самой схеме. Он уже начался. И никакая сила тут не поможет, ибо сила – это кровь»⁶¹.

«Чеченский» фактор стал определять внутриреспубликанскую политику российского руководства осенью 1991 г. Впрочем, А. С. Барсенков относит рождение «чеченской проблемы» к ноябрю 1990 г., когда была принята «Декларация о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики»⁶², а сам конфликт «помещает» в контекст «противостояния союзного и российского центров власти в 1990–1991 гг.»⁶³. Между тем анализ принятой 27 ноября 1990 г. внеочередной сессией Верховного Совета республики «Декларации о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики» позволяет сделать вывод о том, что на российском Северном Кавказе было провозглашено независимое суверенное государство с соответствующими атрибутами (гражданство, герб, флаг, гимн, столица), верховенством республиканских конституции и законов⁶⁴. Представляется, что, декларируя «территориальные» претензии соседям, лидеры республики демонстрировали с самого начала свою агрессивность и экспансионизм.

Ситуация в Чечне радикальным образом поменялась весной 1991 г., когда избранный в ноябре 1990 г. председателем Исполкома Чеченского национального съезда генерал Д. М. Дудаев объявил о «нелигитимности» Верховного Совета ЧИР и переходе власти к Исполкому Чеченского национального съезда. Тогда же и была провозглашена Чеченская республика Нохчи-чо. С. В. Чешко прямо указывал, что «режим Джохара Дудаева возник ... в результате не многолетнего и осознанного движения чеченцев за независимость, а по-

ощрения, поддержки и прямого попустительства российских властей»⁶⁵.

На наш взгляд, российское руководство, стремясь полностью овладеть Союзным центром, в «чеченских» событиях невольно оказывалось заложником своего же политического курса: если можно «самоопределяться» народу России, то почему нельзя делать это чеченскому народу? 24 октября 1991 г. Д. М. Дудаев был избран президентом Чечни, после чего все органы власти и жизненно важные объекты на территории бывшей ЧИ АССР перешли под контроль ОКЧН. Российскому руководству Дудаев продемонстрировал эффективность их «собственной, демократической технологии»: «декларация независимости – всенародный референдум – выборы президента – провозглашение независимости».

«Чеченский кризис» имел и позитивное значение для судьбы единого Российского государства. Под влиянием этих событий российское руководство начинало отказываться в отношениях с российскими автономиями от формулы «берите столько суверенитета, сколько переварите». В декабре 1991 г. продолжавшийся процесс укрепления ранее провозглашенных суверенитетов в форме избрания президентов «независимых государств» (именно тогда прозвучала знаменитая фраза М. Ш. Шаймиева: «Нет президентов больших и малых, есть президенты равные»⁶⁶), был упорядочен обязательностью согласования этой акции с Верховным Советом РСФСР. В связи с этим, к примеру, Верховный Совет настоял на переносе выборов президента Кабардино-Балкарии⁶⁷.

Такая позиция не помешала, правда, Татарстану 26 декабря 1991 г. принять декларацию о вхождении в СНГ на правах соучредителя⁶⁸, однако в действиях российского руководства по вопросу федеративных отношений появились несвойственная ранее твердость и уверенность. Ноябрьское заявление председателя Верховного Совета РСФСР Р. И. Хасбулатова о несоответствии Конституции Татарстана российскому законодательству, о российских автономиях как «частях одного единого государства», о президентах автономий как «лишь главах исполнительной власти, подчиненной непосредственно президенту России», заканчивалось грозным предостережением: «Вы несамостоятельны и быть ими не можете»⁶⁹. События в Чечне заставили российское руководство активизировать свои усилия по подготовке Федеративного договора.

«Чеченский» кризис, а также проведение 1 декабря 1991 г. референдума и выборов президента на Украине, на наш взгляд, стали причинами прекращения формальных попыток реанимировать подписание некоего Союзного договора. Элиты, овладев властью в «своих» республиках, воочию сумели убедиться в реальной угрозе дальнейшего распада некогда единого советского государства и поспешили юридически оформить «развод», дабы сосредоточиться на «удержании»

уже достигнутых границ «суверенитета». Все, что произошло в белорусских Вискулях 8 декабря 1991 г. после подписания днем ранее Договора о дружбе и сотрудничестве между РСФСР и БССР, продолжает оставаться предметом всего лишь «бытовых зарисовок из жизни вождей»⁷⁰. Исходя из строгого научного анализа, никакого серьезного влияния на последующие события «сакральный» акт юридического оформления «свидетельства о смерти» Союзного государства события в Беловежской пушче не оказали. Советский Союз к тому времени уже более трех месяцев не существовал...

Примечания

- ¹ Коричневый путч красных. Август 1991 г. Хроника, фотодокументы, пресса / подг. текста Н. Войсунская, А. Гаврилов, В. Гопман. М., 1991.
- ² См.: Горбачев М. С. Августовский путч (причины и следствие). М., 1991.
- ³ Барсенков А. С. Введение в современную российскую историю 1985–1991 гг. : курс лекций. М., 2002. С. 213.
- ⁴ Островский А. В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М., 2011. С. 616.
- ⁵ Исаков В. Б. Председатель Совета Республики. Парламентский дневник 1990–1991. М., 1996. С. 358–359.
- ⁶ Павлов В. С. Горбачев – путч. Август изнутри. М., 1993. С. 107–117.
- ⁷ См.: Широкин В. С. Агенты перестройки. Рассекреченное досье КГБ. М., 2010. С. 180.
- ⁸ Шевякин А. П. КГБ против СССР. 17 мгновений измены. М., 2018. С. 393.
- ⁹ Там же. С. 395.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ См.: Кеворков В. Е. Кремлевская оперетка. М., 1997.
- ¹² Малия М. Конец утопии // Советское общество : возникновение, развитие, исторический финал : в 2 т. М., 1997. Т. 2. С. 594.
- ¹³ Тишков В. А. Самоубийство Центра и конец Союза (политическая антропология путча) // Советская этнография. 1991. № 6. С. 5.
- ¹⁴ Там же. С. 5–6.
- ¹⁵ Там же. С. 7.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Барсенков А. С. Указ. соч. С. 232.
- ¹⁸ Островский А. В. Указ. соч. С. 626.
- ¹⁹ Обращение к советскому народу Государственного Комитета по чрезвычайному положению 18 августа 1991 года // Советская Россия. 1991. 20 августа.
- ²⁰ Красное или белое? (Драма августа 1991 : факты, гипотезы, столкновение мнений) / под ред. Л. Н. Доброхотова. М., 1992. С. 72.
- ²¹ Коричневый путч красных. Август 1991 г. Хроника, фотодокументы, пресса. С. 45–46.
- ²² См.: Пихоя Г. Р. Советский Союз : история власти. 1945–1991. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 2000. С. 606.
- ²³ Чешко С. В. Распад Советского Союза : Этнополитический анализ. М., 2000. С. 361.

- ²⁴ Горбачев М. С. Жизнь и реформы : в 2 кн. М., 1995. Кн. 2. С. 118.
- ²⁵ Россия-2000. Современная политическая история (1985–1999) : в 2 т. Т. 1 : Хроника и аналитика. 3-е изд. М., 2000. С. 130.
- ²⁶ Барсенков А. С. Указ. соч. С. 245.
- ²⁷ Цит. по: Кувалдин С. А. Прощай, нерушимый. Анализ освещения развала СССР на страницах газет в 1991 г. // Она развалилась. Повседневная история СССР и России в 1985–1999 гг. 3-е изд. М., 2017. С. 73.
- ²⁸ Там же. С. 76.
- ²⁹ Россия-2000. Современная политическая история (1985–1999) : в 2 т. Т. 1 : Хроника и аналитика. С. 131.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-9654. Оп. 6. Д. 312. Л. 1.
- ³² Там же. Л. 2.
- ³³ Внеочередной Пятый съезд народных депутатов СССР (2–5 сентября 1991 г.). Стенографический отчет. М., 2018. С. 11.
- ³⁴ Там же. С. 13, 14.
- ³⁵ Там же. С. 299–302.
- ³⁶ См.: ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 6. Д. 312. Л. 70.
- ³⁷ Там же. Л. 54.
- ³⁸ Там же. Л. 64.
- ³⁹ Там же. Л. 66.
- ⁴⁰ Там же. Л. 68.
- ⁴¹ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1991. № 52. Ст. 2058.
- ⁴² Горбачев М. С. Жизнь и реформы : в 2 кн. Кн. 2. С. 588.
- ⁴³ Договор об Экономическом сообществе. 18 сентября 1991 г. // Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. 2-е изд. М., 2007. С. 334–351.
- ⁴⁴ Шахназаров Г. Х. С вождами и без них. М., 2001. С. 462.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 588.
- ⁴⁸ Там же. С. 591.
- ⁴⁹ См.: Черняев А. С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991. М., 2008. С. 997.
- ⁵⁰ Пограничная ситуация (беседа с Г. А. Явлинским) // Литературная газета. 1992. 28 окт. С. 11.
- ⁵¹ См.: Грачев А. С. Кремлевская хроника. М., 1994. С. 319.
- ⁵² Барсенков А. С. Указ. соч. С. 257.
- ⁵³ Грачев А. С. Указ. соч. С. 319.
- ⁵⁴ Павловский Г. О. СССР умер, не оставив завещания // Московские новости. 1991. 3 нояб.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Барсенков А. С., Вдовин А. И., Корецкий В. А. Русский вопрос в национальной политике. XX век. М., 1993. С. 126.
- ⁵⁷ См.: Этнополис. 1992. № 1. Приложение.
- ⁵⁸ Мяло К. Распад СССР и русский вопрос // Литературная Россия. 1992. 14 февр.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Попов Г. Х. Новые задачи нашей демократии (из выступления на Втором съезде Демократической России) // Комсомольская правда. 1991. 12 нояб.
- ⁶¹ Яковлев А. Н. Драма демократов – нет оппозиции // Куранты. 1991. 11 дек. С. 4–5.
- ⁶² Россия и Чечня (1990–1997 годы). Документы свидетельствуют. М., 1997. С. 7–10.
- ⁶³ Барсенков А. С. Указ. соч. С. 303.
- ⁶⁴ См.: Россия и Чечня (1990–1997 годы). Документы свидетельствуют. С. 7–10.
- ⁶⁵ Чешко С. В. Указ. соч. С. 12–13.
- ⁶⁶ Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф., Яров Ю. Ф. Федерализм в истории России : в 3 кн. М., 1993. Кн. 3, ч. 1. С. 244.
- ⁶⁷ Там же. С. 208.
- ⁶⁸ Там же. С. 244.
- ⁶⁹ Руслан Хасбулатов : «Переделываться я не хочу» // Независимая газета. 1991. 27 нояб.
- ⁷⁰ См., напр. : Островский А. В. Указ. соч. С. 648–656.

Образец для цитирования:

Мякшев А. П. Демонтаж единого Союза и советской системы межнациональных отношений в августе – декабре 1991 года // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 158–164. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-158-164>

Cite this article as:

Myakshov A. P. The Dismantling of the Single Union and the Soviet System of the International Relations in August – December 1991. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 158–164 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-158-164>
